

А. Н. ДОМАНОВСКИЙ
(Харьков)

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ АНАЛОГОВ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ЭПАРХА ГОРОДА В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ ИМПЕРИИ (VIII-IX вв.)

Уникальный источник, позволяющий изучать государственное регулирование ремесла и торговли в Константинополе – Книга эпарха, давно уже привлекает внимание исследователей. При этом одной из наиболее интересных и нерешенных окончательно проблем является вопрос о том, могли ли действовать нормы, аналогичные либо схожие с предписаниями Книги эпарха, не только в столице. В данном контексте немаловажное значение приобретает поднятый в историографии вопрос о возможности существования государственных административных структур, подобных упомянутому в Книге эпарха, в крупных провинциальных городах империи. Преимущественное внимание при этом уделяли вопросу о провинциальных аналогах столичного эпарха города. Мнения исследователей разделены практически полярно: одни считают Константинополь абсолютно уникальным и подчеркивают принципиальную невозможность и ненужность столь пристального контроля и регулирования ремесла и торговли в провинциальных городах, другие активно отстаивают идею существования градоначальников, подобных константинопольскому, по крайней мере в крупнейших византийских городских центрах.

Из-за крайней скудости источниковой базы дискуссия ведется практически исключительно вокруг вопроса о существовании эпарха города во втором по значению имперском городе средневизантийской эпохи – Фессалонике. Изначально, в IV-VI вв. Фессалоника была резиденцией префекта претория Иллирика. Когда же в VII в. в результате славянского вторжения на Балканы префектура Иллирик была фактически ограничена размерами ее главного города, префект претория Иллирика мог осуществлять свои полномочия лишь в пределах города и его ближайшей округи. В Чудесах св. Димитрия Солунского упоминается скриний

«преславных ипархов Иллирика» (ἀκριβοῦς τῶν ὑπερῷων ὑπάρχων τοῦ Ἰλλυρικοῦ). Исследователи расходятся в интерпретации характера упомянутого скриния. Г. Острогорский, вслед за П. Лемерлем, уверенно склоняется к утверждению, что префект Иллирика, претерпев соответствующие изменения, вошел в средневизантийскую эпоху в качестве эпарха города Константинополя. Одновременно существует точка зрения Дж. Бьюри и Э. Штайна, предполагающая сохранение института префектуры Иллирика, лишь внешне ассоциируемого с управлением городом и его ближайшей округой вследствие территориальных потерь империи на Балканах.

Как представляется, вряд ли можно будет найти бесспорный ответ на данный вопрос, однако ряд косвенных свидетельств заставляет склониться к точке зрения П. Лемерля и Г. Острогорского и считать упомянутого в Чудесах св. Димитрия Солунского эпарха Иллирика если не уже градоначальником Фессалоники, то, по крайней мере, предвестником появления этой должности. Так, говоря об эпархе Константинополя в Книге церемоний, Константин Багрянородный вскользь упоминает, что подобное учреждение было в Александрии (вероятно, имеется в виду префект-августал) и в Иллирике, а именно Фессалоника была центром Иллирика до VIII в. Г. Г. Литаврин приводит данные о существовании эпарха Фессалоники в XI в. Немаловажным в данном контексте представляется совмещение функций эпарха города и префекта претория в шестой книге Василик. Интересно также упоминание в сатирическом диалоге XII в. «Тимарион» о весьма схожем с эпархом города игемоне или дуке Фессалоники, открывавшем местную ярмарку. Известен, наконец, ряд печатей эпархов Фессалоники VIII-IX вв.¹ Наиболее подробно и полно все источники, свидетельствующие в пользу существования фессалоникского эпарха города, рассматривает А. Констакопулу².

Гораздо более важным представляется вопрос о применимости действовавших в столице норм по регулированию торгово-ремесленной деятельности, известных из Книги Эпарха, в других крупных городах империи, в частности, в той же Фессалонике. Здесь мнения также расхо-

¹ Zacos G., Vegler A. *Byzantine Lead Seals*. – Basel, 1972. – Vol. 1-3. – № 957, 1691, 1717A, 2382, 2588, 2589, 2651; Nesbitt J., Oikonomides N. *Catalogue of Byzantine Lead Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. – Washington, 1991. – № 18.18, 18.19, 18.21, 18.22, 18.23.

² Konstantakopoulou A. *L'éparque de Thessalonique: Les origines d'une institution administrative (Ville – IXe siècle)* // *Communications grecques présentées au Ve Congrès international des Etudes du Sud-Est Européen, 11-17 septembre 1984*. – Athens, 1985. – P. 157-162.

дятся, и, к примеру, Р. А. Наследова, Н. Икономидес, отстаивавший тезис об уникальности константинопольской торгово-экономической зоны, и Р. Браунинг считали, что контроля, подобного константинопольскому, в Фессалонике существовать не могло, поскольку он был невозможен и даже попросту не нужен. Напротив, А. Констакопулу, Ж. Дагрон, В. Брандес и Дж. Хэлдон настаивали на существовании в VIII-IX вв. в городе второго после столицы полюса государственного экономического влияния. Заметим также, что в одной из своих работ Н. Икономидес также склоняется к мысли о существовании в Фессалонике городского эпарха и проведении центральным византийским правительством широкой реформы по преодолению определенной «децентрализации» города, в контексте которой, в частности, тут появляется также пост авидика.

Последняя точка зрения представляется гораздо более вероятной в контексте экономической политики, проводившейся византийским государством. Очевидно, византийское правительство шло в IX в. по пути усиления государственного контроля за торговлей и пыталось распространить принятую в Константинополе модель административного регулирования торговли на другие крупные города империи. Именно в этом контексте стоит рассматривать предпринятое в 894 г. урегулирование происходившей через Фессалонику внешней торговли империи с болгарями, приведшее к первой в Европе «экономической» войне. Таким образом, византийское правительство пыталось распространить отточенные и отработанные до мелочей в столице административные механизмы контроля и регулирования торговли на другие города империи, и, следовательно, аналоги городского эпарха Константинополя должны были активно насаждаться центральным правительством во всех значительных торгово-экономических эмпориях.

Показательным в данном плане представляется административная история крупнейшего византийского центра в Таврике – города Херсона. До недавних пор большинство исследователей последовательно отстаивали концепцию полуавтономного положения города в составе империи, наличие в нем значительного количества пережитков местного городского самоуправления. Наиболее последовательно этой точки зрения придерживаются Н. А. Алексеенко и Н. И. Храпунов. Они, а вслед за ними и другие исследователи, видят в томинаемых в сфрагистических источниках херсонских чиновниках (протополитах, архонтах, «отцах города», «известных и первенствующих», кирах, экдиках) представителей местного самоуправления, а не государственных служащих, подконтрольных центральной администрации. Между тем данная позиция была подвергнута критике С. Б. Сорочаном, отстаивающим идею о

полном включении херсонских чиновников в общеимперскую административную систему, что исключает наличие элементов автономности.

В контексте данного исследования наиболее интересными чиновниками оказываются херсонские отцы города и кира. Патеры полиса (πατέρες τῆς πόλεως) сопоставимы с позднеантичным и ранневизантийским *pater civitates*. В контексте исследования интересно, что подобный титул был почетным для столичного городского эпарха, которого источники не раз именуют отцом города. Это позволяет сопоставить этих чиновников с городским эпархом, несмотря даже на то, что применительно к Херсону они упоминаются в источниках во множественном числе, а градоначальник должен быть один.

Еще более показательна ситуация с херсонскими кирами. Уже А. Ф. Вишнякова, а за ней в свое время и И. В. Соколова высказали точку зрения, что кир, был херсонским аналогом столичного эпарха города. Эта должность существовала в городе, по меньшей мере, с VIII в. Крайне интересен отпечаток мешковины на моливдовуле одного из херсонских киров ипата Исаака, что свидетельствует о его функциях по надзору за грузами, отправляемыми из Херсона и, очевидно, прибывавшими сюда. Это позволяет сопоставлять кира с коммерциариями и, главное, с ведомством константинопольского градоначальника, некоторые чиновники которого также контролировали отправление и прибытие торговых грузов. Важным кажется замечание С. Б. Сорочана о схожести функций херсонских патеров полиса и киров. Наконец, показательно упоминание в источниках о херсонском претории, ведь именно помещение ведомства константинопольского городского эпарха называлось Преторием. Как представляется, эти наблюдения в некоторой степени опровергают концепцию Н. А. Алексеенко, отстаивающего уникальность херсонских киров, их связь с местным самоуправлением и сложной внешнеполитической ситуацией (кондоминатом?) взаимодействия империи с хазарами.

Предложенное в развитие позиции С. Б. Сорочана соотнесение киров, протополитов и патеров полиса Херсона с эпархами города имеет не меньше, а в контексте социально-экономической политики центрального византийского правительства в конце VIII – первой половине IX в. и, в особенности, во второй половине IX – начале X вв., даже больше оснований, чем позиции Н. А. Алексеенко и Н. И. Храпунова, которые продолжают видеть в этих чиновниках полуавтономных представителей пережитков античного городского самоуправления.

Администрация города развивалась, подобно бюрократии других регионов империи, в направлении усиления полномочий центральной

византийской власти и унификации принципов, функций и состава городской бюрократии. Отличными оставались разве что традиционные названия тех или иных чиновников, и Н. И. Храпунов справедливо замечает, что континуитет позднеантичного самоуправления можно проследить только на примере названий должностей.

О том, что Фессалоника и Херсон не были своеобразными исключениями, позволяет судить относящаяся к VIII в. печать Никиты, ипата, царского спафария и эпарха Никеи (ἱπάτωρ, βασιλικῶ спаφариῶ καὶ ἐπάρχῳ Νικίτας)³. Вначале этот чиновник был, вероятно, эпархом Фессалоники⁴. Функции, подобные функциям константинопольского эпарху города в крупных провинциальных городах, таких как Херсон или Трапезунт, могли осуществлять фемные стратиги. В частности, об этом свидетельствует эпизод из Жития Георгия Амастридского (умер в 807 г.) о том, что несправедливо обвиненные в нарушении таможенных правил купцы (δηροσάοις σικοφαντῆντες ἐγκλίμασι) были схвачены в Трапезунте именно стратигом (παρὰ τοῦ στρατηγούτου). Для фемы Климаев такую возможность не исключает, вслед за Н. Икономидесом, С. Б. Сорочан.

В контекст централизаторской политики византийского правительства в административной как нельзя лучше вписывается окончательное упразднение 46 новеллой Льва VI (886-912) элементов городского самоуправления и переход ведения всех городских дел под контроль императора. Очевидно, речь идет не о ликвидации давно уже отмерших курий, а об усилении полномочий центральной государственной администрации, последовательном выстраивании мощной имперской властной вертикали.

Таким образом, чиновники, подобные эпарху города Константинополя, имевшие такое же название (в случае Фессалоники), либо именовавшиеся по-иному, вполне могли существовать в VIII-IX вв. и в ряде важнейших провинциальных городов империи, прежде всего – в связанных с международной транзитной торговлей и крупных центрах ремесленного производства. Перечень такого рода городов может получиться достаточно продолжительным, однако, прежде всего, помимо уже упомянутых Фессалоники, Херсона, Трапезунта, нужно назвать Месемврию, Девельт, Монебвасию, Пергам, Никомидию, Амастриду, Сарды, Коринф, Фивы, Афины, Эфес, Гераклею, Керасунт, Иконополис, Синоп, Хоны, Миры, Асим, Селевкию и ряд других городов и центров.

³ Zacos G., Vegliery A. *Byzantine Lead Seals*. – Basel, 1972. – Vol. 1. – № 3156.

⁴ *Op. cit.* – № 957.

Безусловно, некоторые из названных городов могли иметь подобного столичному городскому эпарху чиновника лишь в определенные периоды в течение VIII-IX вв. и, вероятно, могли лишаться этого института при изменении торгово-экономической конъюнктуры, перемещении торговых путей, складывании сложной внешнеполитической ситуации вокруг того или иного городского центра. Однако необходимо заметить, что постепенное распространение принципов регулирования столичного ремесла и торговли на провинциальные центры именно в середине-второй половине IX в., и именно в это время административные институты провинциальных городов начинают сближаться по своим экономическим функциям с константинопольскими. Важно подчеркнуть, что подобные городскому эпарху столицы чиновники, очевидно, осуществляли сходные с константинопольским градоначальником функции, в частности, по контролю и регулированию коммерческой деятельности. Провинциальные аналоги константинопольского эпарха города могли не иметь в своем подчинении столь разветвленного штата, какой был у столичного градоначальника, и, очевидно, сами должны были выполнять ряд тех функций, которые в Константинополе препоручались сотрудникам секрета эпарха. Не этим ли объясняется наличие отпечатка мешковины на печати кира Херсона?